

**Повседневная жизнь в австрийском плену глазами русского солдата,
1915-1918 гг. (по дневнику Р.М.Фишелева)**

Неизвестные дневники рядовых участников Первой мировой войны, сегодня, спустя столетие, - редкая находка для историка, учитывая, что в архивах такие источники откладываются крайне редко. Как правило, они хранятся в семье авторов, и если их потомки осознают ценность подобных документов, рано или поздно они оказываются в экспозиции музеев, публикуются на страницах журналов, а то и издаются в виде отдельной книги. Но гораздо чаще они так и не находят своего читателя за пределами узкого круга ближайших родственников, а то и вовсе оказываются утрачены в результате смены поколений, переезда на новое место жительства и т.д.

Мне повезло, что в апреле этого года проживающий в Екатеринбурге внук участника Первой мировой Владимир Яковлевич Фишелев, который бережно сохранил записки своего деда, в связи со 100-летним юбилеем начала войны почувствовал актуальность оказавшихся в его распоряжении дневниковых записей и стал искать возможность донести их до специалистов-историков и широкого круга читателей. Наткнувшись на сайте Российского военно-исторического общества на некоторые из моих статей, он разыскал мой электронный адрес и написал письмо, предложив ознакомиться с рукописью деда и определить её ценность для исторической науки. Так у меня в руках оказался этот уникальный исторический источник.

Его автор, рядовой 46-го Сибирского стрелкового полка 12-й Сибирской стрелковой дивизии Юго-Западного фронта Рувим Моисеевич Фишелев, был мобилизован в армию 15 ноября 1914 г. и после прохождения в г. Омске военной подготовки, которая продолжалась до 31 декабря, направлен на фронт. В феврале 1915 г. вместе со своим полком прибыл в Западную Галицию, где участвовал в боевых действиях против австрийских войск. 28 апреля 1915 г. попал в плен. За 3 года и 7 месяцев плена побывал в разных местах Австро-Венгрии и вернулся на родину 22 ноября 1918 г. Всё

это время он вел дневниковые записи, которые посвящены фронтовой жизни и пребыванию в плену. Дневник весьма интересен как по своему содержанию, так и по мировоззрению автора, насыщен множеством деталей военной повседневности, передает психологическую атмосферу эпохи, содержит оригинальные наблюдения и размышления, написан хорошим литературным языком. Вместе с Владимиром Яковлевичем мы подготовили несколько вариантов публикации этого документа, в частности, для журналов «Рейтар»¹ и «Наука и религия»². В августе-сентябре этого года они вышли в свет. В настоящее время продолжается работа над отдельным изданием дневника.

Сегодня этот документ впервые вводится в научный оборот в рамках моего доклада на тему повседневной жизни русских военнопленных в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Я буду говорить о второй части записок Р.М.Фишелева, где открывается много бытовых подробностей, таких как лагерная жизнь пленных, их участие в хозяйственных работах, система наказания за провинности, включая тюремное содержание, нормы питания, особенности отдыха и досуга, в том числе театральная самодеятельность, взаимоотношения в среде военнопленных и их контакты с местным населением многонациональной Австро-Венгерской империи, переписка с родными через Красный Крест, а также широкий спектр переживаний людей, оторванных от дома и лишенных свободы, оказавшихся в чужой языковой и социо-культурной среде.

Но сначала немного статистики.

В Первую мировую войну число военнопленных оказалось небывалым по сравнению с войнами прежних эпох. Так, в Русской армии потери пленными с августа 1914 г. по 31 декабря 1917 г. составили более 3,4 млн. чел., то есть 74,9% всех боевых потерь, или 21,1% от общего числа мобилизованных³. Из них менее 1% содержались в Болгарии и Турции, 42,14% - на территории Германии, 59,9% - в Австро-Венгрии⁴. Одним из этих

почти 60% пленных, оказавшихся на территории Австро-Венгерской империи, был рядовой Рувим Фишелев.

Автор дневника подробно описывает обстоятельства своего пленения и переживаемые в этот момент чувства паники и страха: он и его товарищи были застигнуты врасплох, когда расположились на ночлег в каком-то местечке *«после пятисуточного непрерывного отступления»*, и к ним неожиданно *«ворвались немцы с фонарями, в касках, с ружьями наизготовку»*: *«Штыки все держат направленными на нас. Ну, думаю, пришел конец, сейчас начнут штыками действовать. Но они нас не тронули, а только кричат: «Эраус», и показывают на дверь, выходить надо...»*.

Далее следует описание тяжелого пешего перехода с колонной пленных вглубь неприятельских тылов (плохая кормежка, ночлег на камнях посреди площади прямо под виселицей с казнёнными, продырявившиеся в пути сапоги и разбитые в кровь ноги, и т.д.), отправка по железной дороге (*«Хуже, чем скот, по 70-80 человек, как сельдей в бочке, без нар, прямо на пол, ни сесть, ни лечь»*); *«В дороге кормят нас очень плохо, все время мы голодны»*). При этом Р.Фишелев не забывает фиксировать особенности местности, состояние шоссейных дорог, чистоту и аккуратность населенных пунктов. Он жалеет, что не удалось увидеть Будапешт, который проехали ночью, зато отмечает красоты Вены, по которой пленных прогнали *«наверное, с целью показать жителям»*.

«Наша колонна растянулась через весь город...», - отмечал он. - *«...Грязные, обросшие, невытые много суток, много босых с обгоревшими шинелями, исхудалые, изможденные. Еле двигались, как тяжело больные. Десять суток мы не имели возможности поспать как следует, поесть досыта, помыться. Мы не только физически устали. Но и моральный дух у нас был подавлен. Все это, конечно, отражалось на нашем внешнем виде»*.

Венцы разглядывали русских пленных внимательно, но не враждебно. Фишелев пишет о сочувственных взглядах публики, особенно женщин, при виде их *«утирающих слёзы»*, и даже попытках подкормить измученных

пленных (в вагоны им бросали хлеб, шоколад, папиросы), хотя были и те, кто пришел посмотреть на них, *«точно на зверей в клетках зоопарка»*. Особо Фишелев отмечает жестокость конвоиров-мадьяр: за глоток воды, принесенной по его просьбе местной жительницей, один из них набросился на него с нагайкой (*«Если б только эта женщина не закричала, то мне бы плохо пришлось, мадьяры очень злые, для него ничего не стоило меня вообще искалечить или даже убить. Были случаи, когда они стреляли в пленных...»*); *«...варвары мадьяры прогоняют публику и угрожают стрелять»*).

Все эти записи Фишелев, по собственному признанию, сделал уже по прибытии в лагерь военнопленных в г. Брюкс (ныне Мост в современной Чехии) 6 мая 1915 г. В лагере их покормили, отвели в баню, провели дезинфекцию, выдали чистое бельё и отправили в санитарный барак на карантин. Фишелев отмечает: *«Пожалуй, немцам надо отдать справедливость в аккуратности и главным образом они следят за санитарным состоянием барачков и гигиеной пленников. Это очень хорошо, гарантирует от внесения какого-либо эпидемиологического заболевания»*.

Далее начинается освоение «лагерного пространства»: знакомство с распорядком, товарищами по несчастью, поиски земляков-сибиряков. Несколько дней спустя, 10 мая, Фишелев делает неутешительное умозаключение: *«Да, мы действительно, настоящие пленники. И даже можно сравнить с арестантами. Все лагеря обнесены проволочными заграждениями и довольно высоко, часовые бдительно охраняют днем и ночью. Не разрешается пойти даже в соседний лагерь. Свобода в полном смысле ограничена. Это не то что у нас в России – пленные ходят куда угодно...»*

Он скрупулезно фиксирует скудный лагерный рацион (*«конечно, этого мало и все голодные»*; *«кормят «жареной водичкой»»*) и отмечает, что те из пленников, кто здесь *«уже давно, сумели устроиться, где посытнее»*. Упоминает некоего «авантюриста», который еще в пути держался *«поближе к офицерам в качестве переводчика»*, а в лагере *«сумел втереться старостой*

барака». Сам Фишелев, как владеющий латинским шрифтом, ведет переписку вновь прибывших, *«купил учебник и словарь для освоения немецкого языка»*.

В конце мая Фишелев заболел и с высокой температурой отправился в лагерьный лазарет (околоток), где провёл почти неделю с диагнозом «инфлуэнция в лёгкой форме». Вывод из нового опыта: *«Кормят здесь больных лучше, чем в бараках»*. Позднее ему придется несколько раз обращаться к зубному врачу – пломбировать зубы. К доктору, ведущему прием в городе, его будет доставлять конвойный.

2 июня Фишелев с грустью записывает: *«Время идет без перемен. Однообразная жизнь, скучная, с переживаниями. Лишены всякой свободы и сношения с внешним миром»*.

Некоторое разнообразие внесло лихорадочное наведение «чистоты и порядка» перед прибытием «комиссии во главе с генералом», которая появилась только через несколько дней. По этому поводу Фишелев отмечает: *«Сегодня утром весь лагерь выстроили, выровняли, особенно старались фельдфебели, стараются выслужиться перед начальством – шкуры царского режима»*. В этих словах явно прорывается его довоенное прошлое (в Омске он был участником в местного кружка народников).

Из дневника выясняется интересная подробность лагерной жизни. Австрийские власти расселили пленных по национальностям: Фишелев упоминает еврейский, польский, татарский бараки. Возможные причины такого подхода к размещению военнопленных: стремление облегчить управление разношерстным контингентом и обеспечить дисциплину в лагере, уменьшить количество конфликтов между пленными (в этнически пестрой Австро-Венгрии проблема острых взаимоотношений между представителями разных национальностей была хорошо известна); подготовить почву для пропагандистской работы с разными этническими группами с последующим их использованием для разжигания сепаратистских настроений внутри Российской Империи.

В середине июня 1915 г. Фишелева с товарищами переводят в другой лагерь, начинают выводить на работы. Но настроение пленных подавленное. Зреет недовольство условиями содержания.

Видимо, лагерная администрация озаботилась проблемой «культурного досуга» своих подопечных, потому что 25 июня в дневнике появляется следующая запись: *«Комендант разрешил организовать театр для военнопленных, отвели специальный барак. Есть художник, парикмахер, также есть артисты профессионалы и, конечно, будут любители»*. Начинается подготовка декораций, оркестра, «театральной труппы» (русской и еврейской). Идут репетиции водевиля «Шельменко-денщик» и других пьес.

Причастность к лагерному театру (а также зачисление «в цех мастеров по ажурному выпиливанию») несколько смягчила режим Фишелева: 9 июля он посещает офицерский лагерь (*«Офицеры в лагере имеют бильярд, игры, карты и питание хорошее»*), а на обратном пути через город заходит в кондитерскую «полакомиться» и покупает пирожные.

13 июля при открытии театра была объявлена его цель – *«дать возможность пленным [получить] некоторые развлечения и отвлечься в этой тяжелой жизни»*. Спектакли ставятся на русском и еврейском языках. Фишелев подробно описывает репертуар (довольно обширный), игру актёров, реакцию публики. Вход платный – сбор идёт на нужды театра. Между тем, за кулисами начинаются конфликты и ссоры, как «в каждом театре». Беда в том, что нет настоящего руководителя-режиссера: *«каждый хочет быть старшим, а организовать не может»*.

И все же благодаря театру *«на время пленные хоть немного забывали о своем тяжелом положении»*, а если *«театр закрыт [это стало одним из видов наказаний в лагере, активно применяемом комендантом], время тянется мучительно, безделье хуже всего»*. Сам Фишелев на лагерной сцене время от времени декламирует стихи и басни.

Помимо театральных забот, в лагере *«жизнь течет однообразная, скучная»*. Пленные живут ожиданием писем из дома, но почту доставляют

нерегулярно, иногда и вовсе перестают принимать. Фишелев беспокоится о родных, от которых нет никаких известий. Первую весточку с Родины он получит лишь через четыре месяца плена, 30 августа 1915 г.

Между тем, *«комендант требует от пленных дисциплины: чтобы было смирно, правильно построены ряды, сам ходит, ровняет ударами палочки. ... Частенько наказывает пленных даже за пустяки по 25-50 ударов. Нечего сказать, гуманное обращение»*. Позднее, уже в январе 1916 г., Фишелев запишет в дневнике: *«Сегодня мы явились свидетелями новой меры наказания пленному в лагере. Провинившегося пленного привязали за руки и ноги к столбу в висячем положении. Это варварское наказание. Вот вам и немецкая культура»*. Всё чаще жизнь в плену сравнивается с тюремным заключением: *«разница между пленными и арестантами небольшая»*. Упоминается несколько случаев побега из лагеря, но каждый раз беглецы пойманы и наказаны. Товарищи восхищаются храбростью бунтарей, но не спешат следовать их примеру.

30 июня 1915 г. Фишелев пишет о похоронах одного из товарищей: *«Печальная картина: на чужбине, без родных, безвременно умер человек. На кладбище уже 93 погребения, памятники – простые деревянные кресты.»*

Несколько раз в дневнике упоминаются праздники: 5 августа - день рождения Франца Иосифа (*«повсюду флаги, на работу никого не посылают»*), 4 сентября – какой-то еврейский праздник, на который *«собрались из всех лагерей евреи»*, 12 декабря – Рождество по новому стилю, *«австрийцы празднуют, и пленные освобождены от работы»*, 26 декабря - Рождество по старому стилю – *«в театре устроили ёлку, пел хор, танцы, ... вечер прошел удачно, публика осталась довольна»*; 1 января – Новый год, в середине апреля – день русской и немецкой Пасхи...

О событиях на фронтах и «международном положении» в лагере узнают в основном по слухам. Об этом в дневнике на всём его протяжении лишь скудные короткие записи: 15 июня 1915 г.: *«Немцы снова заговорили о своих победах. Как будто взят Львов. Что-то не верится»*. 24 июля: *«Наши,*

как вроде, всё отступают». 13 августа: «Говорят, что в России – манифест о полном равноправии всех национальностей. Это очень хорошо, если только правда». 12 января 1916 г. «В газетах сообщают, что Болгария просит мира. Сербия и Италия близки к этому, а Персия – против, готовится воевать против России. Но газетным сообщениям нельзя придавать значения.». 9 августа: «Газеты сообщают, что в Галицию введены турецкие войска для противодействия русским войскам». 17 августа. «Румыния объявила войну Австрии, а Германия – Италии, Болгария и Германия – Румынии. Пойдет теперь новая потасовка. Теперь то уж кажется, на скорое окончание войны нельзя надеяться. Она больше разгорается и затягивается». 1 сентября. «В газетах сообщают, что взято в плен 20 тысяч румын, много оружия. Однако говорят о мобилизации поляков, находящихся в плену Австрии и Германии.» 12 ноября: «Позавчера, оказывается, умер Франц Иосиф – царство ему немецкое! Что-то об этом событии не особенно распространяются»...

Запомнился визит в лагерь в середине декабря «свободного человека из России» - сестры милосердия графини Шереметьевой, которая «выражала пленным сочувствие», «расспрашивала и утешала», оставила пожертвование на церковь и памятник умершим в плену, «обещала урегулировать почтовое сообщение». К её визиту солдатам выдали бельё, сапоги, щетки и прочее, дабы продемонстрировать, «как немцы заботятся о русских пленных». А главное – обед приготовили «получше, чем всегда».

В конце января 1916 г. Фишелев жалуется, что «в лагере условия жизни все ухудшаются, комендант что-то взялся слишком строго наказывать. Всех без исключения приказал гонять на работы и очень рано поднимают, ... так что не до театра... Комендант стал ужасно скверным – совсем с людьми не считается». Однако в воскресенье на работу не ходили и «небольшой концерт провели».

Работают пленные на осушении болот. Работа тяжелая, с шести утра до шести вечера, питание плохое. Фишелев сопровождает партию в качестве переводчика, хотя по-немецки говорит еще плохо, *«нет практики»*.

Товарищи Фишелева, отправленные на работу далеко за пределы лагеря, возвращаясь, делятся с ним впечатлениями: *«на сахарном заводе хорошо, питание хорошее, и время проходит лучше, чем в лагере»*.

Стремление вырваться из опостылевших бараков и из-за колючей проволоки настолько велико, что отправка на работу «куда-либо» воспринимается с радостным ожиданием – хоть какие-то перемены. Есть надежда, что перемены будут к лучшему, но поначалу она не оправдывается: работа в поле тяжелая, по 12 часов в день, пищи мало, жилье неважное, жалованье мизерное. Позднее, уже на другом месте, условия окажутся лучше. А главное – появится возможность общения с чешским населением, которое относится к пленным сочувственно, а *«девушки смотрят с любопытством и не прочь поговорить»*. Завязываются первые знакомства. На работах русские пленные встречаются с пленными «союзниками» – итальянцами, сербами, а также с «цивильными» рабочими – чехами, поляками, русинами. Автор дневника делает меткие наблюдения об их национальном характере, обычаях и культуре.

Находясь на полевых работах, Фишелев получает посылки из дома и из Голландии (по линии Красного Креста) и делит их со своими товарищами: *«не буду же я один есть»*. Посылок приходит довольно много, он подробно перечисляет их содержимое: галеты, масло, сгущенное молоко, белый хлеб, колбаса.... В более поздних записях обращает на себя внимание едкое замечание о присланных Красным Крестом «десятилетних галетах», которые невозможно разгрызть и о которые Фишелев сломал себе передний зуб.

В конце сентября 1916 г. ситуация меняется к худшему: на сахарном заводе начинается кампания по переработке свеклы, пленных, вопреки установленным правилам, заставляют работать по воскресеньям, кормят похлёбкой из червивого мяса. Солдаты протестуют и жалуются

управляющему (*«Пусть не думают, что русские – это свиньи, всё съедят»*). Второй конфликт гораздо серьезнее: после отказа выйти на работу в обещанный выходной Фишелев и его товарищи оказались под арестом как забастовщики, были отданы под военный суд и в декабре 1916 г. приговорены к трём месяцам строгого тюремного заключения. В ожидании суда и приговора они находятся в лагере: *«голодаем ужасно», «можно ноги протянуть», «пища в лагере с каждым днём всё хуже», «купить в лагерной лавке нечего, кроме плохих яблок», «в бараках холодно, ... от плохого питания кровь не греет»*... Фишелев ругается: *«Немецкий порядок, культура, черт бы их побрал...», «варварские законы в так называемой культурной стране Германии»*.

Несколько страниц дневника посвящено содержанию пленных в австрийской тюрьме с января по апрель 1917 г., их взаимоотношениям и борьбе за кусок хлеба. *«Условия здесь ужасные: кормят, конечно, очень плохо, вид у заключенных изможденный, исхудалый, и к тому же какой-то озверелый, притупленный...»*.

Именно здесь пленных застало известие о Февральской революции в России. Газета с новостью о том, что «сбросили Николая II», была передана конвойными и обсуждалась заключенными «с большой радостью и надеждой». Фишелев с воодушевлением пишет: *«Мы все надеялись, что скоро война закончится, и мы поедem домой... Какие же события сейчас происходят у нас на родине? Наверное, происходят митинги, речи, свобода слова, печати и равноправие для всех. Как хорошо бы сейчас находиться в России. Здесь время идет однообразно, один день сменяет другой без изменения...»*

10 апреля Фишелев с товарищами, отбыв трехмесячный срок, освобождается из тюрьмы и возвращается в лагерь, где *«люди ходят опухшие от голода»*. *«О скором возвращении домой и мире здесь ничего не слышно»*.

Вновь направление на работу, на этот раз в более щадящем режиме. *«Время течет однообразно»,* писать не о чем и «как-то не хочется», и

Фишелев на несколько месяцев забрасывает свой дневник, возвращаясь к записям 15 августа 1917 г.: ярким и значительным событием для него становится поездка к зубному врачу в Прагу, в сопровождении конвоира «без винтовки». После визита к врачу оба – и пленный, и охранник – отправляются обозревать город. Фишелев восторженно описывает красоту Праги, ее архитектуру, нарядную публику. И делает неожиданные умозаключения: *«Всюду чистота, порядок, тротуары каменные, дорога асфальтированная, никогда нет грязи, пыли, много зеленых насаждений, цветов. А как же выглядят наши сибирские города? Очень коротко выражаясь – как день и ночь. А наши дороги, какая непролазная грязь! Только можно надеяться, что при помощи революционной власти будет все иначе? Так жить дальше нельзя. Пленные сами теперь увидели, что за границей люди живут лучше, культурней и нам надо жить не хуже, а почему бы и не лучше?»*

Режим содержания пленных явно смягчается: Фишелев всё чаще упоминает свои поездки с одним из товарищей в разные города «без конвоира».

5 ноября он сетует на то, что *«уже около года как из дома ничего нет, да никто из товарищей также ничего не получает»*.

15 ноября в дневнике фиксируется важная политическая новость и вызванные ею настроения среди пленных: *«Снова большие события прошли в России: власть взяли в свои руки так называемая «партия большевиков»! 7 ноября в Москве. Теперь у нас большие надежды на скорое возвращение домой. Ребята все повеселели. Но что это за партия большевиков? Мы ничего не знаем. Но, во всяком случае, это не самодержавная власть и не генеральская – скорее народная, для которой нужен скорее мир, чем не нужная никому война. Как хотелось бы быть сейчас в России!.. Хотя бы скорее восстановилось почтовое сообщение, чтобы можно было послать письмо, и получить из дома весточку. Немцы говорят – у вас в России гражданская война, а она может продлиться долго. Может быть, наоборот, новая власть скорее заключит мир, а тогда и гражданской войны*

не будет. Миллионы пленных возвратятся на родину и захотят мирно жить и трудиться, и не допустят гражданскую войну. Также с фронта солдаты с оружием в руках покончат с царскими генералами и офицерами».

Но еще почти год Фишелев и его товарищи остаются на положении пленных. Хотя последующие записи отражают уже не «лагерную жизнь», а знакомства с местными жителями, легкий флирт с девушками, и т.п.

Записи скудные – за май 1918 г. всего несколько строчек: *«Вот уже четвертая весна плена наступает. Весной, летом, да и вообще, в Сибири климат более суровый, здесь климат теплый, мягкий, но ведь, зато Сибирь – это наша родина! Я так тоскую даже о нашей холодной, снежной зиме».* За июль-август – упоминание о большом урожае персиков, яблок и груш.

Зато 2 ноября отмечены *«события исторической важности для народов Чехословакии – 28 октября Чехословакия была провозглашена свободной независимой республикой. Президентом был избран Бенеш... Наконец-то Чехословакия освободилась от многовековой зависимости от Австрии. Австро-Венгрия – это была лоскутная монархия, после поражения Германии останется, наверное, один лоскуток, а все остальные государства также освободятся от ига этой монархии... Мы все рады за чехов. Они к нам хорошо относятся. Теперь у нас определенная надежда, что чешская новая республика всех военнопленных освободит. Такого же мнения и чехи. В нашем городке большое ликование. Представляю, что творится в Праге, и вообще, по всей Чехословакии!».* Через несколько дней он навещает своих знакомых и отмечает с ними это радостное событие.

Последняя часть дневника посвящена возвращению на Родину: *«Итак, наконец-то наш долгожданный час настал – мы свободны. 15 ноября нам сообщили, что мы можем ехать домой как свободные граждане»,* - ликуя, пишет Фишелев. Он подробно описывает формальные процедуры оформления документов, прощание с друзьями, ожидание пассажирского поезда для отправки домой. Утром, перед посадкой в эшелон, ему удалось на вокзале пообщаться с прибывшими из России бывшими пленными

австрийцами и чехами. *«Мы сразу же атаковали их, расспрашивая, как у нас жизнь, и что происходит в России. Рассказывают неутешительно: идет гражданская война между белыми и красными. В Сибирь и из Сибири пленных не пускают...»*. Нашлись агитаторы, призывающие пленных не возвращаться домой, а остаться *«в тепле и сытости» «там, где работали», «пересидеть до весны»*. Фишелев гневно отказывается: *«Мы поедem в Россию, а возвращаться обратно... просто преступно, глупо... Не повезут, так пешком пойдem, в крайнем случае. На родине с голоду и холоду не погибнем... Вскоре поезд отправился, и на душе стало веселее, ведь едем в Россию, а на родине не пропадем!»*.

22 ноября эшелон с бывшими пленными пересек границу, и рядовой Рувим Фишелев заканчивает свой дневник восторженным восклицанием: *«...Мы, наконец, находимся на родной земле матушки России, родины нашей... Здравствуй, дорогая наша родина, поехали домой в нашу далекую любимую Сибирь! Вперед, вперед!»*

Автор дневника вернулся на Родину, где прожил долгую жизнь, вырастил детей и внуков. Уже в пожилом возрасте он активно переписывался на немецком языке с товарищем по плену из Чехословакии. И сводил в единую общую тетрадь свои записные книжки, сохранив для потомков «виденное и пережитое» в Первую мировую войну. Скончался Рувим Моисеевич Фишелев в 1975 г. в возрасте 85 лет.

В заключение следует отметить, что опыт плена был для каждого столь же индивидуален, как и собственно фронтовой опыт. Кому-то везло больше, кому-то меньше. Условия, в которых содержались военнопленные, зависели не только от общегосударственной политики, экономических причин, постоянном нагнетании в обществе «образа врага», вызывавшего у разных слоев населения рост ненависти к пленным, но и просто от «человеческого фактора»: злоупотребление полномочиями, неконтролируемый произвол в лагерях и рабочих командах исходили, чаще всего, от местного начальства.

Несмотря на все материальные и моральные тяготы, выпавшие на долю военнопленных, необходимо признать, что в отличие от лагерей уничтожения Второй мировой войны, «места содержания военнопленных в Первую мировую войну обладали многими чертами переходного типа, соединив в себе традиции предыдущей эпохи (стремление стран-участниц соответствовать образу цивилизованного государства, уважительное отношение к военной элите противника, проницаемость границы между лагерем и его окружением) и новые радикальные тенденции (репрессии, принудительный труд, национальную и политическую агитацию)»⁵.

Различные условия содержания (проходные (карантинные) и основные лагеря, штрафные лагеря для пойманных беглецов или привилегированные агитационные лагеря для национальных меньшинств, выступавших объектом особого внимания для немецких пропагандистов, - отличались друг от друга весьма существенно, как и нахождение в сельских (более «сытых»), промышленных и прифронтовых (более «голодных») рабочих командах); разная степень изоляции офицерских и солдатских лагерей; разнообразные формы самоорганизации пленных (в том числе комитеты и кассы взаимопомощи, офицерские суды чести и лагерные товарищеские суды) и виды лагерного досуга (школы, библиотеки, кружки, самодеятельные театральные спектакли и концерты, художественные выставки, лагерные газеты, игра в шахматы и проч. – всё то, что имело место в период Первой мировой, но невозможно представить для советских военнопленных в фашистской Германии во Второй мировой войне, хотя у размещенных по соседству в тех же лагерях англичан и французов подобный досуг спокойно существовал); отправление религиозных обрядов и праздников; сложная система внутрилагерной иерархии и выстраивание отношений в сообществе пленных, – всё это было многогранной реальностью повседневной жизни в условиях военного плена.

Многие из этих граней отражены в уникальном историческом документе - дневнике рядового солдата Великой войны Рувима Фишелева.

-
- ¹ *Фишелев Р.* Дневник рядового солдата Великой войны // Рейтар. Военно-исторический журнал. 2014. № 2(64). С. 199-234; № 3(65). С. 138-162.
- ² *Фишелев Р.* Первая мировая – виденное и пережитое // Наука и религия. 2014. № 8(658). С. 11-17.
- ³ Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (В цифрах). М., 1925. С. 4. См. также: Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 гг. Ч. 1, 2 и 3. М., 1921.
- ⁴ Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (В цифрах). М., 1925. С. 39.
- ⁵ *Нагорная О.С.* Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914-1922). М.: Новый хронограф, 2010. С. 395.